

СВЕТЛАЯ СТОРОНА ПЕРЕМЕН

Самира Дадашова

Доктор философии по философии
Институт Философии и Социологии НАНА
ORCID ID: 0000-0001-9100-3757
samira_889_87@mail.ru
DOI: 10.30546/sw.2022.2.39.113

*«Тень лишь тогда, когда с ней дружна
светлых лучей игра,
Сможет скитаться по всей земле
с вечера до утра...»¹*

Аннотация. Данная статья посвящена изменениям, которым современный человек подвергся в период пандемии. Особое внимание уделяется кризису, как переходному моменту в истории, способствующему совершенствованию гибкости мышления, преобразованию в восприятии мира и эволюции теорий и идей. По мнению автора, кризис не всегда характеризуется крушением всех идеалов, но может иметь своим последствием кардинальные изменения в их траектории. В этой связи автор рассматривает такие вопросы, как идентичность и идентификация, а также теорию эмоционального интеллекта. Основными выводами проведенного исследования является то, что кризис (в том числе и текущая пандемия) – это всегда состояние, требующее решительности, определения конкретных мер и задач, готовности сделать однозначный выбор. Хотя перемены всегда нарушают привычный ход событий, все же они являются двигателем прогресса, оживляют сознание и деятельность, побуждая человека по-новому взглянуть на свою бытийность, по-новому идентифицировать себя, приспособившись к новым условиям существования.

Ключевые слова: кризис, перемены, пандемия, личность, эмоциональный интеллект, идентичность

Введение

На протяжении всей истории западной философии, от древности до современности, «изменение» как фактор того, что в природе нет ничего постоянного, было основным центром умозрительных и научных исследований. Британский математик и философ А. Уайтхед в своем труде «Процесс и реальность» [см. 5] трактует изменение как становление, когда отдельные актуальные события становятся исходными элементами для нового творения. «Вся вселенная в целом, - по словам А. Уайтхеда, - является существенной незавершенностью, поскольку она никогда не бывает завершенной, и всегда движется к новизне».

При этом надо понимать, что изменения еще и составляют суть кризисов: цивилизации, культуры, бытия... Обратившись к этимологии слово «кризис» (др.-греч. κρίσις – решение; поворотный пункт), становится понятным. Кризис – это состояние, при котором требуется решительность, определение конкретных мер и задач, готовность сделать однозначный выбор. И действительно, кризис как сложный социально-философский феномен, характеризующийся обострением противоречивых ситуаций, есть «решающий момент, но не потому, что от нашего решения зависит, быть кризису или не быть, а потому, что кризис вынуждает нас принимать решение или решает за нас» [7]. Кризис не всегда характеризуется крушением всех идеалов и всего того, что было привычным, но может иметь своим последствием кардинальные изменения в их траектории.

¹ Низами Гянджеви, Сияние мудрости / пер. К. Липскерова.

Современный американский ученый Дж. Даймонд определяет кризис, как «некий момент истины: как точку отсчета, для которой условия *до* и *после* различаются гораздо сильнее, чем *до* и *после* большинства других ситуаций» [3, с. 12]. Очевидно, что изменения условий существования неминуемо влекут за собой преобразования в восприятии мира, эволюцию теорий и идей. Благодаря переменам и кризисам мы развиваемся, поскольку переходные моменты в истории способствуют совершенствованию гибкости мышления, обновлению взглядов на привычные вещи.

В период текущей пандемии, которая многими небезосновательно воспринимается как кризис бытия, фундаментальные социальные явления (например, образовательные или политические процессы) получили новое звучание. Однако мы не имеем целью воссоздать картину всех социальных проблем, вызванных пандемией (поскольку, так или иначе, все феномены в социальной жизни человека подверглись изменениям), коснемся только тех вопросов, которые представляют для нас наибольший интерес.

Необходимо подчеркнуть также, что социальные явления не так устойчивы и однозначны, как, например, естественнонаучные, которые всегда историчны и преходящи и в которых всегда присутствует некая субъективность. Они рассматриваются в определенном пространственно-временном отрезке, соответственно духу времени и характерным умонастроениям, выдерживая особую интонацию поколения. Один и тот же социальный феномен можно трактовать с разных углов и прийти к разным результатам. Согласно А. Уайтхеду, мы не должны стремиться к строгой систематизации «таким строгим методом является бэконовский метод индукции, который, если его последовательно применять, оставил бы науку там же, где ее и нашел. Ведь Бэкон упустил именно игру свободного воображения, контролируруемую требованиями связности и логичности» [5, с. 274]. Итак, анализ социальных явлений в период, когда пандемия охватила весь мир, все явственнее показывает когерентность существования не только угроз, но и возможностей.

Как мы себя понимаем?

Вопрос самоидентификации в философии, как и в социологии и психологии, не является новым, но все же он так же актуален, как и во времена написания Э. Эриксоном первого развернутого труда на данную тему [см. 8]. С каждым новым потрясением локальных и глобальных масштабов, границы «эго» обсуждаются с новой силой. Однако, как и в XX в., так и сегодня идентификация человека размыта и варьируется от личности к обществу, от индивида к культуре, от идеологии к политике...

Примечательно, что с самого начала определения концепта идентичности, заговорили о его кризисе, но ни как об угрозе для личности человека, а как об изменениях, происходящих в его самости. Возможно, именно ощущение кардинальных изменений самости заставило ученых поместить ее в рамки определенного термина. Конечно, здесь стоит отметить, что кризис самости, как «борьба внутри себя», наступает только тогда, когда человек задумывается о ней, в любых других случаях он также неочевиден, как и тот факт, что скорость падения и пера, и камня одинакова, если исключить сопротивление воздуха. То есть, вопрос об идентичности хоть и интересен для философов и социологов, однако, вряд ли вызывает те же эмоции у большинства людей. Тем не менее, надо признать, что сегодня идентичность, при всей своей многогранности, носит более дерзкий и личностный характер, чем когда-либо прежде. Связано это, прежде всего, с идентификацией себя как носителя не только определенных частных нравственных ценностей, но и личностных ориентиров, порой выходящих за нормативные рамки того или иного общества.

Но что есть идентичность сегодня? Почему при всей ясности терминологии, мы до сих пор затрудняемся в конкретном определении своей самости? Возможно, потому что определение меняется с течением времени, с происходящими событиями или новыми открытиями, или потому что мы больше полагаемся на описание, нежели на определение идентичности. В любом случае, внедрение новых технологий в нашу повседневную жизнь и научные открытия

(глобальная сеть или ДНК человека) раздвигают границы идентичности, оставляя все больше пространства для дискуссий.

Идентичность можно трактовать как самопознание личности, выделение и/или отождествление себя с определенным обществом. Согласно философскому словарю, собранному на основе трудов ученых XX в. «идентичность есть не свойство (т.е. нечто присущее индивиду изначально), но отношение. Она формируется, закрепляется (или, напротив, переопределяется, трансформируется) только в ходе социального взаимодействия» [6].

Наша идентичность – это непрерывное взаимодействие между убеждениями, особенностями и поведением, которое мы проявляем как в отношениях с другими людьми, так и с самим собой. На чувство идентичности влияют различные факторы, включая реализацию нашей культуры, наши интересы и уникальный опыт, взаимоотношения в обществе и окружающую нас среду. «Массовая культура» и национальный менталитет, половая принадлежность и небинарный гендер, расовое и религиозное восприятие – все это выражение идентичности, которая, так же, как и государство, процветает и усиливается в условиях независимости. «Но механизм идентичности, – пишет П. Гуревич, – схватывает не только глубинную, трудно утоляемую потребность человека сравнить себя с какой-то общностью. Есть и другая сторона проблемы – через это отождествление человек пытается глубже понять себя, выразить собственное личностное ядро» [2, с. 65].

На наш взгляд, идентичность, в первую очередь – это голос внутри нас, это настоящее, но имплицитное «Я», личное «Я», это способность быть самим собой, хоть и сформированная в отношениях с другими людьми, с обществом, с миром. В этом и заключается сложность идентичности: в ее основе внутренняя сущность, которая направлена на внешний мир. Целое и части взаимозависимы, и смысл заключается в отношениях между ними. А, стало быть, наш внешний опыт должен соответствовать нашей внутренней природе. Говоря о внутренней природе, мы не полагаемся лишь на ее духовную составляющую и ни в коем случае не отвергаем ценности разума, ибо «разум без чувств пуст, чувства без разума слепы» (И. Кант). Еще американский психолог, один из основателей гуманистической психологии Дж. Бьюдженталь в своем труде «Наука быть живым» утверждал, что «неспособность человечества понять и оценить значение подобного объединения — это один из главных источников многочисленных трагедий, которые мы навлекли на себя. Слишком часто мы выбираем что-то одно – духовный или чувственный опыт, интеллект или эмоции, расчет или спонтанность – вместо того, чтобы стремиться к целостности, составляющей потенциал» [1]. Этот потенциал и реализует нашу идентичность. То есть, личное «Я» является результатом глубокой работы в сферах рационального, морального, социального и духовного опытов. Изменения внутреннего мира приводят к изменениям мира внешнего и наоборот. Самость, таким образом, представляет собой некую согласованность, которая дает смысл различным аспектам жизни.

Проблеме идентичности уделяли внимание многие известные философы и, в особенности, постмодернисты. Для одних идентичность есть один из симулякров современной эпохи (Ж. Бодрийяр), для других – идентичность не представляется возможной без Бога (Ж. Делёз), а для иных – это «выход человека из себя, за собственные пределы, трансцендирование к новым смыслам и ценностям» (С. Гурин). Однако при всей сложности определения идентичности (а в глобальном мультикультуральном обществе дать однозначно единственное определение данному термину становится еще более сложной задачей) в конечном результате, она имеет непосредственное отношение к практической жизни человека, ведь *то, как мы живем, определяет то, кем мы являемся*. Именно поэтому пандемия оказала некоторое влияние на идентичность современного человека. Как было отмечено выше, перемены в условиях жизни приводят к изменению мировосприятия, а, стало быть, меняют и самих людей, ибо события, через которые мы проходим в жизни, и то, как мы реагируем на них, могут изменить наше представление о себе самом. В новых условиях мы пытаемся установить новые границы, найти новые ценности и стандарты, по которым сможем определять самих себя и давать определение другим.

Сегодня наша жизнь все больше определяется цифровыми технологиями, отдаляя нас от физической природы. Виртуальная реальность становится ключевым аспектом человеческих взаимодействий и бытия в целом. Мы оказываемся привязанными к социальным сетям, где утрачивается «элемент чистого восприятия» (А. Уайтхед). Если до появления глобальной сети мы воспринимали и понимали мир через нашу собственную призму, то теперь мир, в котором мы живем, познается через второстепенные источники во всемирной информационной сети (текущая пандемия ускорила и обострила данный процесс).

Так можно ли говорить о новой идентификации человека в данных условиях? Однозначно, да, если учесть научно-технологические прорывы последних двух десятилетий. В новом виртуальном пространстве возникает новое «Я», еще более глобальное, еще более уязвимое и оторванное от реального мира. Однако оно никак не идет вразрез с реальным «Я», так же как идентификация себя человеком гармонично граничит с другими модальностями: национальной, культурной и т.д. Индивид – всегда цельная личность (если не поставлен обратный диагноз) и все его поступки и действия определяют части личности, присущие ему. Виртуальное «Я» – скорее новый образ жизни, порой позволяющий раскрыться доселе неизвестным нам самим граням нашей личности, порой открывающий нам небывалые возможности в коммуникации, в познании, в карьере... возможности для инноваций.

В поисках чувства бытия

Итак, почему большинство людей переживает кризисное состояние в период пандемии? Вряд ли из-за чувства утраты или трансформации самоидентификации (данный процесс хоть и есть следствие перемен, однако он неясен по своей сущности). Повсеместные локдауны, запрет на то, что человеку приносит удовольствие: общение с другими людьми, путешествия, любимая работа – причины хоть и убедительные, но достаточно поверхностные. В корне всех кризисных ситуаций пребывает страх – страх как результат отсутствия контроля над собственной жизнью.

Очевидно, что есть кризисы, которые вызывают некоторое чувство волнения и тревоги, например, социальное неравенство, загрязнение экосистемы или возникшая относительно недавно проблема «недружественного» искусственного интеллекта, есть же кризисы, вызывающие ощутимый страх за свою жизнь, свою безопасность, такие, как войны или эпидемии. И вне зависимости от того, причинен ли непосредственный вред или нет, для всех текущая пандемия явилась сильным эмоциональным стрессом, встряхнувшим психику, взывая к нашим страхам и сомнениям. Страх перед одиночеством, смертью, потерей, неудачей или даже неприятием в обществе.

Концепция страха в принципе тесно связана с концепцией причинного детерминизма. Отсутствие контроля навеяно незащищенностью и неопределенностью, вызванные незнанием переменных в ситуации, неуверенностью за свое будущее, что, как следствие, может повлечь за собой чувство утраты смысла бытия. В свою очередь, сама утрата смысла парализует человека, сковывает его сознание, делает его дееспособным к преобразованиям внутреннего и внешнего мира.

Этот моральный конфликт эмоций и разума, надлежащий к мысленному преодолению (ведь, в сущности «мы страдаем в воображении чаще, чем в реальности»¹), может привести как к разрушению когнитивных способностей, так и к их реконструкции. Страх не всегда убивает мысль, иногда страх заставляет мыслить – мыслить конструктивно, находить новаторские решения. Страх, будучи одним из главных мотивационных факторов, создает более быструю реакцию, чем любая другая человеческая эмоция.

Следовательно, хоть перемены всегда нарушают привычный ход событий, все же они являются двигателем прогресса, оживляют сознание и деятельность, побуждая человека по-новому взглянуть на свою бытийность и, тем самым, приспособивая его к новым условиям существования. Но что помогает нам адаптироваться в новых условиях? Это инстинкт

¹ Луций Сенека

самосохранения, имеющий, увы, обычай притупляться вследствие тех или иных духовных и социальных явлений, и когнитивная гибкость. Если инстинкт, как генетически закрепленная адаптивная реакция, есть чувственный фундамент нашего бытия, то когнитивная гибкость, как способность видеть ситуацию в развитии – его рациональное воплощение.

Не последнюю роль в совершенствовании гибкости мышления играет эмоциональный интеллект, теоретически восходящий к П. Сэловейу и Д. Майеру [см. 9]. За основу данной теории были взяты определения, изложенные Р. Декартом (интеллект – это способность отличать истину от лжи в элементарных аксиомах) и Д. Векслером (интеллект – это способность действовать целеустремленно, думать рационально и эффективно взаимодействовать с окружающей средой). Данная теория, как в принципе и все теории, которые связаны с термином «интеллект», в наши дни приобретает небывалую актуальность в связи со стремительным развитием нейронауки или хотя бы потому, что интеллект есть один из ключевых факторов, способствующих *качественной* адаптации человека к быстроменяющемуся миру.

Теория эмоционального интеллекта характеризуется авторами, как осознание собственных чувств (в том числе и страхов), способность различать их и контролировать их влияние на наши мысли и поведение, для создания более здоровой атмосферы в обществе и более эффективного разрешения социальных проблем. Здесь можно усмотреть параллель с идеей добродетели Аристотеля – золотой середины, предполагающей ограничение и контролирование чрезмерного проявления эмоций и чувств («Никомахова этика»). Самосознание, самоуправление и социальная осведомленность (сочувствие, сопереживание), что так необходимо сегодняшнему обществу, составляют сущность теории. А, значит, эмоциональный интеллект основан на гуманизме, этике в целом и чувстве ответственности, в частности, ибо гармония с самим собой непременно ведет к гармонии с обществом. Эмоциональный интеллект, при этом, позволяет человеку не только определиться с собственной идентичностью, но и дает возможность изучить и реализовать внутренний потенциал.

Таким образом, в период, когда изменения технологий, культурных и социальных установок растут в геометрической прогрессии, переосмысление задаваемых вопросов помогает нам быть открытыми для новых парадигм, способствует генерации и интеграции самых разнообразных идей. Стремление к неизведанному не просто стимулирует нас к созданию иных, отличных от прежних ценностей, открытию новых областей знания, идеалов и т.д., но, более всего, наполняет нашу жизнь смыслом. А, если быть точнее, это стремление, развитие и есть смысл человеческого существования. Как выразился писатель Н. Талей: «Ветер гасит свечу и разжигает огонь. Точно так же дело обстоит со случайностью, неопределенностью, хаосом: каждый из нас желал бы не прятаться от них, а извлекать из них пользу. Иными словами, стать пламенем, жаждущим ветра» [4, с. 20]. Ведь, в конечном счете, все кризисы рано или поздно отступают, все перемены так или иначе принимаются за должное, но остается опыт. Бесценный опыт, который можно направить на благо себя самого, общества и окружающего мира.

Список использованной литературы:

1. Бьюдженталь Дж., Наука быть живым: Диалоги между терапевтом и пациентами в гуманистической терапии / пер. с англ. А.Б. Фенько; М.: «Класс», 1998. – 336 с.
2. Гуревич П. С., Проблема идентичности человека в философской антропологии // Вопросы социальной теории, том IV, 2010. – с. 63-87.
3. Даймонд Дж. М., Кризис. М.: АСТ, 2020. – с. 544.
4. Талей Н. Н., Антихрупкость. Как извлечь выгоду из хаоса / пер. Н. Караева – Москва: Азбука-Аттикус, 2015. – 768 с.
5. Уайтхед А. Н., Процесс и реальность / Уайтхед А. Н., Избранные работы по философии. – М.: «Прогресс», 1990. – С. 272-303.
6. Философская энциклопедия / [Электронный ресурс] // URL: <https://gufo.me/dict/philosophy-encyclopedia> (дата обращения: 15.05.2021).
7. Философский портал / [Электронный ресурс] // URL: <https://www.phildic.ru/> (дата обращения: 27.04.2021).

8. Эриксон Э., Идентичность: юность и кризис. – М.: «прогресс», 1996. – 344 с.

9. Salovey, P., Mayer, D. Emotional intelligence // *Imagination, Cognition, and Personality*, V.9, 1990. – P.185-211.

DƏYİŞİKLİKLƏRİN PARLAQ TƏRƏFİ

Samirə Dadaşova

Xülasə: Məqalə müasir insanın pandemiya zamanı məruz qaldığı dəyişikliklərə həsr olunub. Xüsusi diqqət təfəkkür çevikliyinin təkmilləşdirilməsinə, dünyanın qavranışında transformasiyaya, nəzəriyyə və ideyaların təkamülünə töhfə verən böhrana tarixin keçid dövrü kimi yetirilir. Müəllifin fikrincə, böhran həmişə mövcud olan idealların dağılması ilə deyil, lakin onların trayektoriyasında mühüm dəyişikliklərlə nəticələnə bilər. Bu baxımdan, müəllif şəxsiyyət və identifikasiya, eləcə də emosional intellekt nəzəriyyəsi kimi məsələləri nəzərdən keçirir. Tədqiqatın əsas nəticələri ondan ibarətdir ki, böhran (o cümlədən indiki pandemiya) həmişə qətiyyət, konkret tədbirlər və tapşırıqların müəyyənəşdirilməsi və birmənalı qərar qəbul etməyi tələb edən vəziyyətdir. Baxmayaraq ki, dəyişikliklər həmişə hadisələrin axarını pozur, onlar tərəqqinin mühərriki olaraq, şüur və fəaliyyəti canlandırır, insanı öz varlığına yenidən nəzər salmağa, özünü yeni şəkildə tanımağa, yeni mövcud şəraitə uyğunlaşmağa vadar edir.

Açar sözlər: böhran, dəyişikliklər, pandemiya, şəxsiyyət, emosional intellekt, identiklik

THE BRIGHT SIDE OF THE CHANGE

Samira Dadashova

Abstract: This article is devoted to the changes that modern human has undergone during the pandemic. Special attention is paid to the crisis as a transitional moment in history, contributing to the improvement of the flexibility of thinking, transformation in the perception of the world and the evolution of theories and ideas. According to the author, the crisis is not always characterized by the collapse of all ideals, but may have a consequence of crucial changes in their trajectory. In this regard, the author considers such issues as an identity and identification, as well as the theory of emotional intelligence. The main conclusions of the study are that a crisis (including the current pandemic) is always a state that requires determination of specific measures and tasks, readiness to make an unambiguous choice. Although the changes always disrupt the usual course of the events, they are still the engine of the progress, enliven consciousness and activity, prompting a person to take a fresh look at his being, to identify himself in a new way, adapting to new conditions of the existence.

Keywords: crisis, changes, pandemic, personality, emotional intelligence, identity.